

Гоголь и русский литературный язык

Неоценимо велика роль Гоголя в истории русского литературного языка. Гений человечества И. В. Сталин, отмечая, что изменилось в русском языке после смерти Пушкина, писал: «Серьезно пополнился за это время словарный состав русского языка; выпало из словарного состава большое количество устаревших слов; изменилось смысловое значение значительного количества слов; улучшился грамматический строй языка. Что касается структуры пушкинского языка с его грамматическим строем и основным словарным фондом, то она сохранилась во всем существенном, как основа современного русского языка». («Марксизм и вопросы языкознания», Госполитиздат, стр. 9—10).

Это высказывание товарища Сталина о языке Пушкина, творца современного русского литературного языка на народной основе, помогает нам правильно понять художественный язык Гоголя, который после смерти Пушкина развивал и обогащал русский язык, продолжал борьбу за его демократизацию.

Великих русских писателей первой половины XIX века Пушкина и Гоголя объединяла горячая любовь к России, вера в богатейшие силы народа, стремление к народности литературы, борьба за общенародную основу русского литературного языка.

Как Ломоносов и Пушкин, Гоголь считал русский язык самым полным и богатым из всех европейских языков. Эту мысль о превосходстве русского языка над другими Гоголь выразил в яркой художественной форме в поэме «Мертвые души»: «Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое не всякому доступное умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово».

Гоголь неоднократно подчеркивает в

своих произведениях, что творцом такого меткого, остро и точно слова является народ. Следуя за Пушкиным, Гоголь считал, что основой литературного русского языка должна быть народная речь в сочетании с теми элементами книжного языка, которые прочно вошли в литературный язык. Глубоко понимая антинародность и преклонения аристократического общества перед иностранщиной, которое проявлялось в употреблении французского языка, автор «Мертвых душ» заявляет, что он «никак не решается внести фразу какого бы то ни было чуждого языка в свою русскую свою поэму».

Используя художественные средства иронии и пародии, Гоголь боролся с «салонным языком», с дворянским жаргоном русских аристократов, которые, как говорит товарищ Сталин, «...кличились тем, что, говоря по-русски, заикаются по-французски, что они умеют говорить по-русски лишь с французским акцентом». («Марксизм и вопросы языкознания», Госполитиздат, стр. 18).

Характеризуя «салонно-дамский язык», отличающийся от «грубого» народного языка, Гоголь писал в «Мертвых душах»: «Еще нужно сказать, что дамы города Н. отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они «я высморкалась, я вспотела, я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка». Ни в коем случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек на это, а говорили вместо этого: «этот стакан нехорошо ведет себя» или что-нибудь вроде этого. Чтоб еще более облагородить русский язык, половина почти слов была выброшена вовсе из разговора, и потому весьма часто было нужно прибегать к французскому языку, зато уж там, по-французски, другое дело: там позволялись такие слова, которые были гораздо почестче упомянутых».

Развитие русской литературы и литературного языка в начале XIX века проходило под знаком борьбы за народность. Основанием для великой русской литературы являются не только мысли и чувства народа, но также и его язык. По мнению Белинского, Пушкин явился первым действительно народным русским поэтом, а Гоголь углубил народность русской литературы. Близость Гоголя к народу открывала перед ним неограниченную возможность пользоваться неисчерпаемыми богатствами родного языка, отбирать из него все лучшее, развивать и обогащать его.

Стремление Гоголя к демократизации языка своих произведений сказывается не только в сближении литературного языка с живой разговорной речью, но также в широком введении в художественный язык просторечных и даже областных слов и выражений. Особенно много народных слов и выражений встречается в поэме «Мертвые души».

Просторечные слова Гоголь употребляет не только в разговоре своих героев (нешто, маненько, ахти, подтибрила, трескаться), но допускает их употребление и в авторском языке (засластил, посулил чорта, расхлестать, с'ездить в ухо, оборотился, хлынул, пенароком и др.).

В «Мертвых душах» иногда встречаются областные слова, среди которых видное место занимает бытовая лексика, например: чапоруха (чарка), крашенина (грубо крашеное крестьянское полотно), зипун (крестьянский верхний кафтан), кичка и сорока (женские головные уборы), лагуны (бочки), побратимы (деревянная посуда), пряглы (олады, лепешки), шанишки (ватрушки с кашей, картофелем или творогом), кокурка (булочка с яйцом), расстегай (пирожок с начинкой), капустник (огород, засаженный капустой).

В ряде своих произведений Гоголь пользуется народно-поэтической лексикой, например: «Наша жена — люлька да острая сабля»; «показалась избушка, как говоритса, на курьих ножках» («Вечера на хуторе близ Диканьки»), «вот не удалась задуман-

ная назавтра сходка с своим братом в неприглядном тулупе, опоясанном кушаком, где-нибудь во дворе кабаке или уже завязалась в новом месте какая зазнобушка сердечная и приходится оставлять вечернее стоянье у ворот и политичное держанье за белы ручки» («Мертвые души»).

Гоголь часто пользовался пословицами и поговорками, в которых он видел «необыкновенную полноту народного ума, умевшего сделать все своим орудием: иронию, насмешку, выгладность, меткость живописного соображения». Например: «Чем дальше в лес, тем больше дров», «поминай как звали» («Вечера»); «как с быком не биться, а все молоко от него не добиться», «что кому треба, тот то и тербит», «словом, начнут гладью, а кончат гадью», «затвердила сорока Якова одно про всякого» и др. («Мертвые души»).

В языке ранних произведений Гоголя, изображающих жизнь украинского народа («Вечера» и «Миргород»), довольно часто встречаются элементы украинского языка. Преобладающим видом украинской лексики являются названия предметов и явлений быта, например: названия одежды, обуви и украшений (запaska, кобеняк, черевички, очипок, плахта, хустка, очкур и др.); названия пищи (галушки, кнши, кулиш, паляница, путря и др.); названия музыкальных инструментов и танцев (бандура, кобза, сопилка, гопак, горлиця, козачок и др.); названия растений, овощей и цветов (цыбуля, кавун, любисток, печуй-витер и др.); названия родства (батько, жинка, тато и др.); личные имена и прозвища (Параска, Остап, Хивря, Андрий, Вертихвост, Голопушенько, Свербигуз, Довгочхун).

Встречаются украинские пословицы и поговорки: «За мое жито, та мене и побито», «Скачи, враже, як пан каже», «Що то вже як у кого чорт ма клепки в голове» и др.

Заслуга Гоголя состоит в том, что введением украинских слов в свои произведения он укреплял языковую связь двух братских народов — русского и украинского, а это имеет важное значение для укрепления нерушимой дружбы советских народов в нашу эпоху. Чтобы эти украинские слова были

понятны для русских читателей, Гоголь при издании «Вечеров на хуторе близ Диканьки» приложил к ним небольшой словарь украинских слов с объяснением их значений. Следует отметить, что почти половина украинских слов, объясненных Гоголем в его словаре, вошла в русский литературный язык.

Отбирая из сокровищницы народного языка меткие и выразительные слова и словосочетания, Гоголь не отвергал книжных слов и оборотов, утвердившихся в литературном языке, а сочетал в своем художественном языке элементы живой народной речи и книжного языка. В творчестве Гоголя и в его стиле переплетается приподнятый лиризм, который обычно выражается средствами книжного языка, и сатирическое изображение (обличительный смех), чаще выражаемое средствами бытовой речи. Например, в «Мертвых душах» высокие полеты поэтической мысли в лирических отступлениях нередко прерываются вторжением будничной жизни с ее простой, непринужденной, порой даже грубой речью.

Гоголь не только широко пользовался метким народным словом в своих художественных произведениях, но и сам нередко создавал меткие слова и выражения, которые, входя во всеобщее употребление, становились «крылатыми» и обогащали фразеологию русского литературного языка, например: «А полоть сюда Ляпкина-Тяпкина!; В детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдают немного водкою; Не пошину берешь; И веревочка в дороге пригодится; Поехал туда для порядка, а возвратился пьян; Унтер-офицера «сама себя выскла»; Коптитель неба; Авось — великое слово; Андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги в смятку; Человек всегда плюется; Перестань либеральничать; Есть еще порохов в пороховницах» и много других.

В. И. Ленин и И. В. Сталин дают высокую оценку меткости гоголевского слова, в своих речах и статьях пользуясь гоголевскими образами и крылатыми выражениями, придавая им острое политическое содержание. В статье «Еще один поход на демократию» В. И. Ленин, используя ставшее крылатым выражение Вобчиского «петушком» писал: «...либералам пришлось «бе-

жать петушком» и объявлять забастовку «славною», хотя они вчера еще с ней боролись». В письме П. А. Красикову В. И. Ленин писал: «Значит Мямлин сам себя высек».

В июне 1917 года Ленин писал по адресу эсеров и меньшевиков, применяя выражение городничего, «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь?» и далее: «Над собой смеетесь, господа эсеры и меньшевики».

Ярким примером видоизменения гоголевских крылатых выражений в ленинском тексте может служить статья «Наша хлестаковы», в которой В. И. Ленин разоблачает вранье меньшевиков. Эта статья заключается словами: «Курьеры скачут, 40.000 курьеров приглашают хлестаковых партией управлять».

В своей речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа города Москвы 11 декабря 1937 года И. В. Сталин, борясь с политическими обывателями силой гоголевского крылатого выражения, говорил: «О таких людях неопределенного типа, о людях, которые называются скорее политическими обывателями, чем политическими деятелями, о людях такого неопределенного, неоформленного типа, довольно метко сказал великий русский писатель Гоголь: «Люди, говорит, неопределенные, чи то, ни се, не поймешь, что за люди, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан».

Использование гоголевских образов и крылатых фраз в языке наших вождей и учителей Ленина и Сталина говорит о том, что меткое слово Гоголя не утратило своего действительного значения и для советской эпохи и может быть использовано как острое оружие в борьбе за преодоление тех пережитков в сознании людей, которые разоблачал великий сатирик.

Великий русский писатель Гоголь осуществлял демократизацию русского литературного языка, обогащал словарь и фразеологию нашего литературного языка. Художественный язык Гоголя — драгоценный вклад в общенародную сокровищницу русского языка.

Я. СПРИНЧАН;

доцент, заведующий кафедрой русского языка Днепропетровского госуниверситета.